

UDC 93/94

THE HISTORY OF LITERARY EXCHANGE BETWEEN EAST
AND WEST IN HAGIOGRAPHICAL GENRE IN THE WORKS BY LITERARY
CRITICS OF THE XIX CENTURY

Olga V. Gzhibovskaya

Sochi State University

Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia

PhD (History), associate professor

E-mail: o_haritonova@mail.ru

The article focuses on the works by some of the literary critics of the 21 century, such as F.I. Buslayev, A.N. Pynin. A.N. Veselovskiy, who made a substantial contribution to the research of literary exchange between East and West based on hagiographical genre.

Keywords: hagiography, literary criticism, poetry, plot, epic hagiographical legend.

Критическое исследование агиографических памятников с позиции литературоведческой начинается в России в середине XIX века. На начальном этапе изучения житий русских святых пересказ содержания часто преобладал над анализом (С.П. Шевырев), их характеристики были кратки. Для отдельных ученых, преимущественно историков, жития представлялись важным, но мало репрезентативным источником, прежде всего в силу того, что сохранившиеся списки и редакции текстов относились к более позднему времени, чем годы жизни их персонажей, и более позднему, чем время их написания (В.О. Ключевский). Чаще всего, жития рассматривались в контексте истории Русской православной церкви (Филарет (Гумилевский), Макарий (Булгаков) Е.Е. Голубинский), политической истории феодальной Руси (Н.М. Карамзин) и апологии русской святости (Г.П. Федотов).

Основные принципы характеристики житий в литературоведении были во многом обусловлены принадлежностью ученых к определенным школам и научным концепциям, утвердившимся в западноевропейском литературоведении (мифологической и культурно-исторической школы, «теории заимствования» и «теории встречных литературных течений»). Памятники устно-поэтической старины рассматривались через призму международного литературного обмена, что позволяло объяснить наличие общих элементов в сюжетах литературных произведений разных народов, которые связаны между собой не столько происхождением их из одного корня (от одного народа-предка), сколько культурным общением между ними. В России, критическое литературоведение было направлено на изучение «эпоса легенды», жанровых особенностей житий, их поэтики, в первичных редакциях выделялись элементы так называемого «народного языка» (Ф.И. Буслаев, И.С. Некрасов), в более поздних по времени составлениях – образцы русской книжности.

Буслаев Федор Иванович
(1818–1897)

К концу XIX века литературоведческая агиография сделал серьезные шаги в текстологическом (А.А. Шахматов) и сравнительно-историческом направлении (А.Н. Веселовский).

Одним из ученых, чье имя связывают с зарождением литературоведческой агиографии в рамках мифологической школы, был профессор Московского университета **Ф.И. Буслаев**. В своих исследованиях в области русской словесности он стал привлекать жития святых, в качестве источника содержащего общие для разных народов мифологические сюжеты. В сборнике «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» [1] были собраны, пожалуй, лучшие его статьи раннего периода (к. 1850-х – нач. 1860-х гг.) посвященные данной теме. Здесь Ф.И. Буслаев разбирает смоленскую легенду о святом Меркурии, муромскую легенду о Петре и Февронии (житие) в сопоставлении с песнями древней Эдды о Зигурде [1; Т. II], а также находит «замечательное сходство псковского преданья о Горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова Дон-Кихота» [1; II, 464–469.].

Как известно, житие Петра и Февронии, относится к разряду тех литературных памятников, составлению которых предшествовала устная народная традиция почитания, сложившаяся в Муроме к середине XV века, тогда как канонизация святых состоялась в 1547 году на московском церковном Соборе. Законченный литературный вид повесть о Петре и Февронии приобрела в письменной обработке, старшие списки которой относятся к XVI в. [2]. Многие из исследователей этого произведения сходились в мысли о не типичности его в сравнении с канонами агиографического жанра (В.О. Ключевский, М.О. Скрипиль, Л.А. Дмитриев, М.Б. Плюханов и др.). Главное отличие Повести от собственно жития состоит в «сказочности» многих мотивов произведения и нетипичном изображении характеров главных героев. Эти и некоторые другие особенности текста были подмечены Ф.И. Буслаевым в вышеуказанной работе.

По своей структуре статья «Песни «Древней Эдды» о Зигурде и муромская легенда», впервые опубликованная в журнале Атеней в 1858 году [3], вполне типична для стиля лекционного курса. Буслаев пересказал отдельные сюжеты из легенд о Зигурде, где выделил наиболее интересные мотивы, свойственные эпическим сказаниям: 1) мотив о предвестии, предвидении какого-либо события или вещих снах, который заранее снимает драматизм с повествования, позволяет герою эпоса жить и творить героические подвиги как бы «спокойно», зная исход, предназначенный ему судьбой [1: 270]; 2) мотив о «змии», который в эпических англосаксонских сказаниях погибает от огня кузницы; 3) эпизод о съедении птичьего сердца, дающего его «вкушателю» дар понимания птичьего языка и мудрость; 4) сюжеты о мудрой деве Валькирии, умеющей читать руны, хранительнице древних знаний о врачевании и лекарственных травах [1: 282-283].

В части каждого из скандинавских мотивов Ф.И. Буслаев провел некоторые сравнительные «нити» к русской литературе. Так например, в русском Азбуковнике он нашел схожие «пункты предания» об убиении змия-аспиды: дикий камень, в котором живет змея, сожжение змия при помощи кузнечных орудий из ямы, применение чародейства при ловле аспиды. Столь очевидное сходство Ф.И. Буслаев объяснил тем, что многие исторические и археологические объяснения вошли в Азбуковники из западноевропейских хронографов и космографии [1: 276]. Влиянием скандинавского эпоса, перенесенного в наши хронографы и сборники, интерпретировал ученый появление «народного романа» о Китоврасе или Соломоне, в котором в тех же чертах, что и в романе о «Соломоне и Морольфе» пересказывается сюжет о поедании сжаренного свиного сердца, давшего пронырливость и мудрость герою сказания [1: 281]. Наконец, по мнению автора, из множества славянских преданий о битве со змием и о союзе с вещей девой, «самой

замечательной» является Муромская легенда о князе Петре и его супруге Февронии [1: 287, 294].

Ф.И. Буслаев видел явное сходство мотивов в наличии общих литературных источников, из которых *«были почерпнуты древние предания в песнях Эдды и нашей легенды»*, видимые же отличия связывал с тем, что Муромской легенде была дана более поздняя историческая обстановка, а *«события и лица возведены в идеальную область христианских понятий»* [1: 294]. Как и в скандинавских сказаниях, перед началом своих подвигов, главный герой князь Петр добывает себе меч, имевший свое имя (Агриков-меч), историю и таинственную силу в нем заключенную. Он находит его в монастырском храме, между камней алтарной стены («меч в камне», «меч-кладенец»), тогда как Зигурд вытаскивает меч Одина из священного дерева. *«Как бог Тор, - пишет Ф.И. Буслаев, - и англосаксонский герой Беовульф, поразив змия, сами погибают от змеиного яду, или, как Зигурд, потому только остается жив, что яд и кровь этого чудовища ему... не вредны...: точно так и князь Петр; убив змия-оборотня, подвергает свою жизнь опасности, будучи заражен его ядовитой кровью»* [1: 295–296].

В образе Февронии Ф.И. Буслаев видит явное сходство с вещей девой, совершающей чудеса, *«превращая крохи от стола в ладан, или в одну ночь своим словом возвращая из воткнутых кольев большие деревья... Если Брингильда только учила Зигурда целебным рунам, то Феврония даже исцелила своего героя»*[1: 296]. Феврония, как и героини европейского эпоса, уже в самом начале своего выхода на сцену повествования, сидит за кроснами и занимается тканьем – символическом обозначении связывания «нитей человеческой судьбы». Перед вещей ткачихой для чего-то скачет заяц [4], что напомнило Буслаеву эпизод из немецкого предания об основании Кведлинбурга. Частым для эпических сказаний разных народов является и сюжет о загадках и заданиях: Петр, изначально задает Февронии трудные загадки, не желая на ней жениться, Феврония – всегда готова их решать.

Завершая свои сравнения, Ф.И. Буслаев резюмирует: *«замечательное сходство Муромской легенды с Сербскою сказкою есть результат родственного развития народного эпоса в эпоху доисторическую. Если мы видим некоторое сходство между князем Петром и Зигурдом, и между Февронею и Брингильдою, то было бы удивительно, когда бы мы не встретили более ясного ... схождения в преданьях из того же эпического цикла между племенами родственными, Славянскими»* [1: 299]. Важность такого рода сопоставительного анализа, предпринятого Федором Ивановичем Буслаевым не вызывает никаких сомнений, для сравнительных литературоведческих занятий требовался большой опыт прочтения литературы. Тем не менее, выводы относительно характера схожести произведений, ученый делает весьма осторожно и далеко не всегда убедительно и последовательно. Так, например появление западноевропейских легенд в предании о Китоврасе было, по его мнению, вызвано литературным заимствованием через древнюю космографию, тогда как сходные по составу сюжеты сербской сказки и русского жития, никоим образом, объяснены заимствованием быть не могут, только как наличием «родственного корня в эпоху доисторическую». При всех обнаруженных им сходствах мотивов скандинавского эпоса и русских эпических памятников Буслаев также не ответил на ряд принципиальных вопросов: 1) если имелся факт литературного заимствования, то через какие каналы передавались эти эпические сюжеты; 2) если общность сюжетов связана с родственными для многих индоевропейских народов мифологемами, то каким образом эти мифы интерпретировались через призму этнического самосознания; 3) наконец, если в близких по содержанию памятниках литературы присутствуют общие схемы и персонажи, то какова символика этих

мифологических элементов. Задел оставленный Ф.И. Буслаевым дал почву для дальнейших исследований в области изучения агиографических сюжетов. В целом, заслуга Ф.И. Буслаева в деле исследования житий состоит в историческом определении жития как литературного памятника и некоторых выводах относительно исторически-бытового и народнопоэтического содержания агиографии. Литературное свидетельство прошлого служило для Ф.И. Буслаева источником тех фактов, которые легче увидеть в литературе, чем в историческом источнике, а именно элементов подлинно народных древних поверий и ментальных представлений, пусть даже и закрепленных в каноничной литературной форме.

В русской фольклористике в 1860–1890-е годы стало складываться новое направление, так называемая школа заимствования. Она возникла в Германии, ее основоположником считают Теодора Бенфея, который в конце 50-х гг. в своих трудах указал на удивительное сходство многих фольклорных произведений у

Пыпин Александр
Николаевич (1833–1904)

народов Запада и Востока (в том числе неродственных), которое объяснил прямым или косвенным заимствованием, распространением из одного или нескольких очагов. Формированию школы заимствования в России положила начало работы историка литературы, академика Санкт-Петербургской Академии наук **А. Н. Пыпина** «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» и «История русской литературы». А.Н. Пыпин впервые конкретно показал обширные связи русской словесной культуры, преимущественно письменной между Востоком и Западом. Житиям А.Н. Пыпин посвятил части отдельных глав, в которых в соответствии с выделенными им этапами развития литературы, велось изучение тех или иных памятников письменности. К раннему периоду агиографической письменности А.Н. Пыпин относил жития в составе Пролога и Киево-Печерского Патерика [5: 139]. Наиболее обстоятельно жития рассматривались в главе VIII «Истории» [6: 300], где основное внимание было сосредоточено, прежде всего, на содержательно-литературной ценности памятников. Опираясь на исследования Е.Е. Голубинского, Ф.И. Буслаева и других авторов, А.Н. Пыпин изучил происхождение, этапы развития формы и содержания русских житий.

В зависимости от времени написания жития, судьба текста, по мнению ученого, складывалась по-разному. Так отдельные жития являются формой эволюционировавшего летописного рассказа, который расширяясь в содержании, приобретал форму жития. Чаще всего – это агиографические сказания о подвижниках и русских князьях. *«С течением времени, – писал Пыпин, – летописный рассказ должен был оказываться недостаточным для исторической любознательности; особенно важным событиям. Наиболее замечательным личностям начинают посвящать особые, более обстоятельные повествования, которые начиная с XIII века и до времени Московского царства разрастаются наконец до значительного объема, и обращаются не только в составе летописи, но и отдельными памятниками. В этих сказаниях проходят вообще два стиля: с одной стороны, это – распространенная летопись или смесь летописи и жития, с другой, – попытка поэтического изложения»* [6: 300-301]. Именно первый тип, по мнению А.Н. Пыпина, наиболее распространен, а образцами для подражания, для трансформации русских сказаний послужили *византийские жития*.

В целом, по мнению автора можно выделить 3 этапа эволюции редакции жития: на первом этапе формируется эпос легенды, на втором – легенда облекается в литературную форму, далее следует многократное переписывание памятника,

своего рода фаза «искажения» первоначального содержания. Сперва, писал А.Н. Пыпин, «вырастает своеобразный эпос легенды, живший в устах народа», затем эта легенда проникает в письменность, *«где впрочем, к ней вскоре уже прибавляется тот элемент книжничества, который лишил народное сказание его непосредственности, закрыв его условными формами изукрашенного стиля»* [5: 291]. А.Н. Пыпин выделил в житиях такие элементы как эпические народные предания, общие для всех христиан идеалы подвижничества, мученичества, подвига, представления о характере чуда и плюс к этому – «житие имело свои готовые образцы», привнесенные из византийской литературы [6: 305]. Здесь можно отметить некоторое сходство идей А.Н. Пыпина и А.П. Кадлубовского в части изучения особенностей языка древнерусских житий. Оба исследователя отмечали, например, что в житиях стиль «плетения словес» был привнесен в русскую агиографию из западноевропейской средневековой и южнославянской (балканской) литературы [7].

Веселовский Александр
Николаевич (1838–1906)

Убежденным представителем «бенфеевской школы» выступил в своей докторской диссертации 1872 года под названием «Из истории литературного общения Востока и Запада...» А.Н. Веселовский. В этой работе автор решает один из крупнейших вопросов литературного общения Востока и Запада. А.Н. Веселовский изучает историко-культурные пути проникновения в европейскую литературу восточных преданий о Викрамадите, Джемшиде и Асмодее через иудейские и мусульманские легенды о Соломоне и византийско-славянские апокрифы, а также повести о Соломоне и Китоврасе и западные сказания о Морольфе и Мерлине. Ученый доказывает, что главными узловыми пунктами передачи литературного влияния с Востока на Запад оказались Византия и юго-восточные славянские страны, а главными литературными

посредниками – средневековые переводчики, преимущественно евреи [8].

В 1870-х гг. А.Н. Веселовский приступил к изучению специфики жанра жития, занимаясь историей переходных форм от эпоса к роману [9]. Применение сравнительно-исторического метода мы видим в работе «Новые отношения Муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Рагнаре Лодброке» [10]. В обоих произведениях представлены прекрасные образы, впрочем, объединяющие не только эти памятники, здесь мы видим красивых героев, мужчину и женщину: первый сочетает в себе черты почти рыцарских добродетелей, он смел и силен; она – героиня, духовно одаренная и мудрая жена. Обоих связывают высокие чувства. В песнях и сказании о Петре и Февронии есть два ключевых мотива, выделенных А.Н. Веселовским – это мотив змеборства и мотива союза с мудрой девой. Несколько ранее Ф. И. Буслаев так же нашел некоторые сходства двух литературных произведений, но был очень осторожен в своих выводах. *«В общих чертах своих, – говорит он, – Муромская легенда содержит те же главнейшие мотивы, что и песни древней Эдды о битве Зигурда с змием и о союзе этого героя с вещью девою. Без всякого сомнения, сходство это основывается на общих источниках, из которых, само собою разумеется, совершенно независимо друг от друга были почерпнуты древние предания и в песнях Эдды и в нашей легенде».* Не удовлетворяясь объяснением сходства между песнями Эдды и сказанием о Петре и Февронии «доисторическим сродством преданий», А.Н. Веселовский поставил своей целью «перенести вопрос на более реальную почву исторических отношений». По его мнению, повесть о Петре и Февронии возникла под влиянием проникшего на

Русь немецкого или скандинавского сказания, подобного и родственного саге о Рагнаре Лодброкке, сюжет которой представляет собою объединение тех же двух мотивов – змеборства и союза с мудрой девой [11].

В контексте изучения «змеборческих» мотивов, внимание А.Н. Веселовского привлекли описания апокрифических мучений «Святых Змеборцев» – греческих святых Георгия Победоносца и Федора Тирона [12], а также южнославянского святого Михаила из Потуки. Этим святым посвящен ряд статей с приведением разнообразных данных из области песен, легенд, обрядов, а также греческих, древнерусских, южнославянских, латинских текстов. Эти тексты издаются А.Н. Веселовским впервые по рукописям русских и зарубежных библиотек: Парижской, Венской, Мюнхенской [13].

Житие Василия Нового, в значительной своей части занятое эсхатологическим сюжетом, дало А.Н. Веселовскому материал для двух статей: «Безразличные и обоюдные в житии Василия Нового и народной эсхатологии», «Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 году». В работах А.Н. Веселовский не ограничился исследованием прежде известных редакций, а познакомил ученый мир с ранее не издававшимся древним текстом жития по греческой рукописи Московской Синодальной Библиотеки и древнерусским переводом этой редакции [14]. Он открыл в древнерусском переводе жития прямой источник рассказа «Начальной Летописи» о походе Аскольда и Дира на Царьград, над которым не раз задумывалась историческая критика [15]. А.Н. Веселовский не оставил без внимания эсхатологические откровения Мефодия Патарского, житие Андрея Юродивого, Видение пророка Даниила и Пророчества Льва Философа, сопоставив их с западноевропейскими легендами: «Пророчествами Сивиллы», «Диалогами Сидраха и Бокха» [16].

В работах по сравнению житийной литературы с литературами других народов мира А.Н. Веселовский подошел к формированию так называемой этнографической теории самозарождения встречных литературных течений. Сходство и повторяемость примитивных сюжетных схем, мотивов и образов-символов объясняются этой теорией, во-первых, результатом исторического (не всегда органического) влияния, во-вторых, следствием единства психических процессов, нашедших в них выражение. Единство психических процессов, по мнению А.Н. Веселовского детерминировало формирование в разные эпохи у разных народов аналогичных общественно-бытовых условий порождающих соответственные качества среды. Эти аналогичные качества среды, могли в разных странах породить аналогичные литературные течения и формообразования. *«Учение это, – писал А.Н. Веселовский – а) объясняя повторяемость мотивов, не объясняет повторяемости их комбинаций; б) не исключает возможности заимствования, потому что нельзя поручиться, чтобы мотив, отвечавший в известном месте условиям быта, не был перенесен в другое как готовая схема»* [17]. В целом, разработка проблемы литературного общения Востока и Запада, в трудах А.Н. Веселовского, была наиболее глубокой и содержательной, хотя в части анализа агиографического жанра его научное наследие оказалось мало востребованным. Лишь полвека спустя, схожие идеи получили свое развитие в исследованиях западноевропейских ученых [18].

Жития святых переводили, переписывали и издавали, безусловно задумываясь об оригинальных, более ранних рукописях, о тех отличиях, которые обнаруживаются при сличении разных редакций. Все это можно назвать филологией. Без филологии, работа с агиографическим материалом была бы невозможна, разумеется, ей должна была предшествовать работа по поиску и археографическому описанию житий. Во второй половине XIX века, зачастую параллельно с филологическими занятиями

возникает междисциплинарная специализация, основанная не на методе, а на объекте исследования. В качестве таковой можно назвать междисциплинарный синтез литературоведения и истории, где в качестве объекта выступают сюжеты и мотивы агиографии. Историки литературы, рассматривали русские жития в качестве исторических легенд, обладающих как исторической составляющей, так и сюжетными типологическими чертами и заимствованиями из более ранних литератур. Ученые искали сюжетные сходства между русскими житиями и греческой, южнославянской, латинской, западноевропейской литературами различных жанров: апокрифов, повестей, сказок, романов и житий. Историки литературы выделяли механизмы заимствований, пути передачи, ретрансляции сюжетов в житии, от восточных преданий к славянским. По данному вопросу не сформировалось единой позиции. Исключение составила идея о существовании типологических заимствований из греческих житий, в том числе через южнославянскую литературу.

Примечания:

1. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2-х т. СПб. : тип. Д. Е. Кожанчикова, 1861. Т. 1 Русская поэзия. [7] 643 с. Т. 2. – [3] 429 с.
2. Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. II. Ч. 1. 1945. С. 365.
3. Буслаев Ф.И. Песни «Древней Эдды» о Зигурде и Муромская легенда. Четыре лекции из курса об истории народной поэзии // Атеней. 1858. ч. IV. № 30. С. 191–229.
4. Прим. С позиции ряда современных авторов, заяц, как животное символическое, было представлено в Повести не случайно. Заяц считался предвестником несчастья - встреча с ним именно так и расценивалась, не случайно его называли «чертоног». Заяц встречается и как оборотень и почти всегда, так или иначе, связан с миром нечистой силы, злым духом вообще. Однако в подавляющем большинстве упоминаний в славянском фольклоре заяц выступал как символ мужской оплодотворительной силы // Цит. по : Кривошеев М. В. К вопросу о жанре «Повести о Петре и Февронии» // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.В.Пузанов. СПб.-Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2001. С. 196–219.
5. Пыпин А.Н. История русской литературы / [Соч.] А.Н. Пыпина. 2-е изд., пересм. и доп.: в 2 т. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1902. Т.1 : Древняя письменность. 1902. – [VI], 537 с. С.291–299.
6. Пыпин А. Н. История русской литературы / [Соч.] А.Н. Пыпина. 1- е изд. : в 4 т. СПб., тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 1. С. 300 и далее.
7. Кадлубовский А.П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых [Текст]. Варшава: тип. Варшавского учебного округа, 1902. С. 2–6.
8. Веселовский А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. Из истории литературного общения Востока и Запада. СПб. : тип. В. Димакова, 1872. [4], XX, 350, [1]; Буслаев Ф. И. Рецензия на книгу А. [Н]. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» // Отчет о XVI присуждении наград графа Уварова. СПб. 1874. С. 24-66.
9. Веселовский А.Н. Теория поэтических родов в их историческом развитии. Курс, читанный проф. А.Н.Веселовским, 1881–1882 [Текст]. Ч. 1. СПб.: Литография Гробовой (Издатель М.И. Кудряшев). 21 литографический лист, 334 с.

10. Веселовский А.Н. Новые отношения Муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Ронгаре Лодброке. I–II. СПб, декабрь 1870 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения, апрель, Ч. CLIV № 4, Отд. 2. С. 95–142.

11. Цит. по: Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. II. Ч. 1. 1945. С. 365.

12. Веселовский, А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов [Текст]. Вып. 1–6. СПб. : тип. Императорской Академии наук, 1879–1891. [Вып. 2] – II, 1880. – [2], 228 с. [Святой Георгий в легенде, песне и обряде. I–VII. С. 163–228]; [Вып. 6] XVIII–XXIV, 1891. – [2], 230 [2], 174 с. – [Раздел XXII – Большой стих о Егории и сказка об Илье и змее].

13. Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 1–6. СПб., 1879-1891. Изд. 1879 (декабрь) СПб: тип. Императорской Академии Наук, Раздел I (Греческий апокриф о Святой Федоре). С. 14-22; то же: Записки Императорской Академии Наук, т. XXXVI, кн. I. СПб., 1880 (март). С. 1–22.

14. Веселовский А.Н. Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии. [Приложение: хождение Феодоры по мытарствам и несколько эпизодов из Жизни Василия Нового; Видение Григория о последних днях; греческий текст Видения Феодоры] // Разыскания в области русских духовных стихов [Текст]. Вып. 1–6. СПб. : тип. Императорской Академии наук, 1879–1891. [Вып. 2] – II, Раздел XXIV. 1880.

15. Веселовский А.Н. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 году // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1889. №1.

16. Веселовский А.Н. Опыт по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1875. №№ 4, 5.

17. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Автор вступ. статьи И.К. Горский, В.В. Мочалова. М.: Высшая школа. 1989. С. 28–29.

18. Григорий (Лурье В.М.) Небо Земное или Агиографическое путешествие по истории идей [Электронный документ] // Режим доступа: st-elizabet.narod.ru/raznoe/gtr/hagiographie02.htm. Проверено: 02.09.2011.

УДК 93/94

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБМЕНА ВОСТОКА И ЗАПАДА В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ЖАНРЕ В ТРУДАХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ XIX ВЕКА

Ольга Вячеславовна Гжибовская

Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: o_haritonova@mail.ru

В статье рассматриваются работы отдельных представителей отечественного литературоведения XIX века (Ф.И. Буслаева, А.Н. Пынина и А.Н. Веселовского), внесших вклад в изучение литературного обмена Востока и Запада на примере агиографического жанра.

Ключевые слова: агиография, литературоведение, поэтика, сюжет, эпос агиографической легенды.